

Александр Агаджанян

Zuzanna Bogumił. Gulag Memories: The Rediscovery and Commemoration of Russia's Repressive Past. New York: Berghahn Books, 2018. 302 pp. ISBN 978-1-7853-3927-1.

Александр Агаджанян – профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва). Адрес для переписки: Миусская площадь, 6, ЦФО, Москва, 125993, Россия. grandrecit@gmail.com.

Перед нами – первая обобщающая книга о мемориализации ГУЛАГа. Зузанна Богумил уже достаточно давно работает с этой темой и опубликовала несколько статей на русском, английском и польском языках (Богумил 2010; Bogumił 2012a, 2012b; Bogumił, Moran, and Harrowell 2015; Bogumił and Łukaszewicz 2018; Voronina and Bogumił 2018). И вот теперь эта книга – обобщение полевого материала, собранного в течение нескольких лет в ходе поездок по нескольким основным «островам архипелага». Собственно, речь идет о четырех таких «островах»: Соловках, Коми, Пермском крае и Колыме. Четыре региона – четыре истории. Истории тяжелого процесса формирования трудной памяти – о репрессиях и, одновременно, о советском прошлом.

Память о ГУЛАГе есть многосоставный, многовекторный процесс. Здесь сходятся личные истории, семейные саги, медийные потоки, коммеморативные традиции, социальное воображение, моральные оценки, политические позиции и государственные интересы. Еще из книг Мориса Хальбвакса мы знаем, что коллективная память сильно отличается, по крайней мере по своим предпосылкам и задачам, от «холодной» техники исторической науки своей «горячей» аффективной природой, и что эта память к тому же многолика, поскольку привязана к разным «аффективным сообществам» (Halbwachs 1992:78). Задача в том, чтобы распутать этот клубок интересов и эмоций.

Сегодня память о ГУЛАГе постепенно, через накопление все новых публикаций, обретает некоторую предметную дистанцию от прочно с ней связанной историографии ГУЛАГа как таковой (как части истории СССР) и становится особым исследовательским полем (Anstelt and Jurgenson 2009; Barenberg 2014; Khlevnyuk 2018; Giesen 2019¹). Сама публичная память после тридцати лет интенсивного становления уже является осязаемым предметом со своими проектами, акторами и дискурсами, или, иначе говоря, со своими текстами и камнями.

Во время поездок по гулаговской России Богумил изучает эти тексты и камни: вербальные и невербальные формы памяти. Она встречается с важнейшими персонажами и группами, инициировавшими коммеморативный процесс или принимавшими в нем участие с конца 1980-х годов (записано 35 интервью); изучает

¹ Я благодарю Владислава Стафа, одного из специалистов по обсуждаемой здесь теме, за указание на эти четыре издания.

планы выставок, концепции музеев, включая музейные интерпретации лагерных бараков и кладбищ; визуальную символику памятных объектов и споры вокруг них; логику мемориальных обрядов.

Автора больше всего интересует именно переломный период конца 1980-х – начала 1990-х, момент «культурного взрыва», как у Юрия Лотмана, или время, которое Богумил называет (по аналогии с бахтинской терминологией) «карнавалом памяти». Это сравнительно недолгий период, когда страна открывала свое прошлое и одновременно изобретала его (с. 6 и далее). Именно в этот переломный момент, считает Богумил, формируется то, что она называет *текстурой памяти* (*texture of memory*) о ГУЛАГе; это именно тот период, когда сформировались еще несколько ключевых параметров, определяющих работу памяти: *memory makers* и *memory projects*, которые вместе составляют *memory infrastructure*. «Цель моего исследования, – пишет она, – не столько создание каталога мест памяти, сколько описание и интерпретация наиболее важных компонентов мемориальной инфраструктуры каждого региона» (с. 19).

Главные герои книги – именно *memory makers* (*субъекты памяти*), или *memory actors* (= *commemorative actors*); здесь автор ссылается на того же Хольб-вакса и его книгу по топографии Святой земли, где впервые систематически изучен процесс конструирования памяти (Halbwachs 1941). В период «карнавала памяти» прошлое описывалось с опорой на преданные гласности базовые тексты, такие как книги Александра Солженицына, Варлама Шаламова и некоторые классические мемуары, а также с использованием вновь открываемых архивных или собираемых эго-документов. Но одновременно память создавалась вновь, то есть в серьезной степени прошлое «изобреталось» акторами, исходя из их новых интересов и ожиданий, их новых картин мира. Музейные проекты и места памяти – это всегда феномен вторичный по отношению к объекту музеефикации или коммеморации, они всегда создают дополнительный слой смыслов, которые в свою очередь становятся активной дискурсивной силой современного общества. Именно эти сложные повороты пытается деконструировать Богумил. Акторов – участников, или субъектов «карнавала памяти», – она делит, как правило, на четыре категории: это Русская православная церковь, общество «Мемориал», местные музейщики, и, наконец, независимые (чаще всего тоже местные) активисты разного рода. Все они предлагают, как правило, различные мемориальные стратегии, которые могут совпадать целиком или отчасти, пересекаться или соперничать друг с другом.

Богумил подробно восстанавливает подобные альянсы и мезальянсы для каждого из регионов. На Соловках разлад очевиден: после передачи Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря церкви, музейные и коммеморационные проекты в течение 1990-х годов постепенно поглощаются ею (в конце концов в 2009 году архимандрит Порфирий Шутов возглавляет музей), и память о ГУЛАГе становится частью церковного дискурса о новомучениках и – шире – об исторической судьбе православия в целом.

В Республике Коми открытого конфликта нет, и инициатива исходит снизу, от местных жителей; музеи же и памятники отражают причудливое сочетание раз-

ных символических языков: скорби, военной славы и как будто языка примирения, на котором говорят старые забытые кладбища.

В Пермском крае есть явный лидер – Виктор Шмыров, музейщик-инноватор, создатель (в содружестве с «Мемориалом») музея «Пермь-36», мнемотопа с антисоветской повесткой, в современном стиле, с ориентацией на «Яд Вашем» и Музей Варшавского восстания. Однако здесь вмешивается новый игрок – государство, которое на волне авторитарно-консервативного поворота 2014–2015 годов берет музей под контроль и резко снижает градус антисоветского дискурса.

Наконец, Колыму с ее столь сложной «инфраструктурой памяти» и разнообразным множеством голосов и оттенков Богумил называет *repository of memory* – *хранилищем памяти*. И здесь, несмотря на споры (например, вокруг скульптуры Эрнста Неизвестного «Маска скорби»), автор видит сравнительно бесконфликтное сосуществование разных активистов и даже местной власти.

В детальных описаниях мемориальных проектов на протяжении всей книги выявляется противостояние не только разных стратегий коммеморации (например, между музейщиками и бывшими узниками и/или их потомками), но и разных эпистем памяти – например, между светским либеральным «Мемориалом» и Русской православной церковью (здесь очень интересны рассуждения о спорах вокруг использования и смысловых оттенках самого распространенного символа – креста); и, наконец, разных оценок советского наследия в целом (например, между тем же «Мемориалом» и/или независимыми активистами, с одной стороны, и/или государством, с другой). Политика памяти, исходящая от государства, – отдельная тема; Богумил почти не касается ее, но в качестве эпилога кратко описывает открытие «Стены скорби» – официального памятника жертвам политических репрессий в Москве в 2017 году.

Зузанна Богумил подчеркивает в самом начале книги, что старается четко отделить свою тему – формирование памяти о ГУЛАГе – от собственно темы репрессий и их исторической оценки, ссылаясь на отсутствие консенсуса даже среди историков, не говоря уже о широкой публике. Впрочем, люди, вовлеченные в работу памяти, которых мы встречаем на страницах книги, несмотря на существенные оттенки интерпретаций, делают смысл репрессий очевидным: трагедия страны и преступление властей. Память о ГУЛАГе находится в самом центре памяти о советском вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богумил, Зузанна. 2010. «Кресты и камни: соловецкие символы в конструировании памяти о ГУЛАГе». *Неприкосновенный запас* 71(3):1–19.
- Anstelt, Elisabeth, and Luba Jurgenson, eds. 2009. *Le Goulag en héritage: Pour une anthropologie de la trace*. Paris: Editions Pétra.
- Barenberg, Alan. 2014. *Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Bogumił, Zuzanna. 2012a. *PAMIĘĆ GUŁagu*. Krakow, Poland: Wydawnictwo Universitas.
- Bogumił, Zuzanna. 2012b. “Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation.” *Polish Sociological Review* 177(1):71–90.
- Bogumił, Zuzanna, and Marta Łukaszewicz. 2018. “Between History and Religion: The New Russian Martyrdom as an Invented Tradition.” *East European Politics and Societies* 32(4):936–963.

- Bogumił, Zuzanna, Dominique Moran, and Elly Harrowell. 2015. "Sacred or Secular? 'Memorial,' the Russian Orthodox Church, and the Contested Commemoration of Soviet Repressions." *Europe-Asia Studies* 67(9):1416–1444.
- Giesen, Anke. 2019. *Wie kann denn Sieger ein Verbrecher sein? Eine diskursanalytische Untersuchung der russlandweiten Debatte über Konzept und Verstaatlichungsprozess der Lagergedenkstätte "Perm'-36" im Ural*. Berlin: Ibidem Verlag.
- Halbwachs, Maurice. 1941. *La topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte*. Paris: Presse Universitaire de France.
- Halbwachs, Maurice. 1992. *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Khlevnyuk, Daria. 2018. "Difficult Past in the Global Age: Russia's Frangmented Efforts to Deal with the National Memory of Stalin's Purges." PhD dissertation, Department of Sociology, State University of New York at Stony Brook.
- Voronina, Tatiana, and Zuzanna Bogumił. 2018. "Islands of One Archipelago: Narratives about the Solovetskie Islands and the Memory of Soviet Repressions." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 10(2):104–121.